

Тан Юэ никогда раньше так не голодал.

В три часа ночи он лежал в кресле-качалке и смотрел, как Цзян Шулюй готовит ужин — горячий горшок. Заодно хрустел чипсами.

Шторы были плотно задёрнуты, по телевизору шёл какой-то космический боевик, который Тан Юэ просто запустил на фон. Он слушал мимоходом разговоры о червоточинах и световых годах, но на самом деле глаз не мог оторвать от спины Цзян Шулюя.

Чтобы лучше видеть его, Тан Юэ даже перетащил кресло прямо к дверному проёму кухни — создавая у того ощущение, будто за ним наблюдают, как за поваром, ожидающим момента накормить нетерпеливого едока.

— Хочу двойной бульон — острый и неострый, — сказал Тан Юэ.

— Тебе нельзя острое, — ответил Цзян Шулюй.

Сам он почти не ел закуски. Чипсы, которые сейчас хрустел Тан Юэ, привезли вчера вместе с продуктами — специально по просьбе Цзян Шулюя.

И даже в этом он проявил свою строгость: чипсы оказались огуречными, совершенно безвкусными.

Тан Юэ был этим недоволен.

— Ты что, каждый день ел острое, когда жил с Мянem? — спросил Цзян Шулюй.

Тан Юэ покачал головой:

— Мянem не может есть острое, поэтому я тоже не ел.

— Но сейчас Мянem нет рядом. Почему бы и не поесть?

Он говорил это с полной уверенностью в своей правоте.

— Ты же сам только что сказал, что тебе больно, — напомнил Цзян Шулюй.

— Это было приятно! К тому же я же инопланетянин — можешь не сдерживаться.

Цзян Шулюй с детства воспитывали в духе сдержанности, а Тан Юэ учил его раскрепощаться.

Каждый раз Цзян Шулюй боялся причинить ему боль, а Тан Юэ, напротив, тянул его всё глубже в эту сладкую бездну.

Раз за разом они делали слово «нежность» всё более осязаемым.

Этот парень до сих пор с восторгом вспоминал их первую близость — и у Цзян Шулюя иногда возникало ощущение, что он уже не так хорош, как пять лет назад.

Но на самом деле Тан Юэ действительно изменился: после душа он снова стал прежним — спокойным, мягким, почти домашним.

Сейчас он лениво покачивался в кресле, всё ещё влажный от воды, в широких пижамных штанах, настолько больших, что в один штанинный подворотник можно было засунуть несколько ног. Когда он чуть приподнял ногу, ткань сползла, обнажив лодыжку с чёткими следами от чужих пальцев.

— Это ведь ты сам сказал, — заметил Цзян Шулюй.

— Сейчас не хочу, я уже сыт, — ответил Тан Юэ и потёр живот, тихо добавив: — Хотя чувствуется, будто всё ещё внутри...

Прозрачный бульон уже закипел. Цзян Шулюй поставил горшок на стол, и Тан Юэ тут же соскочил с кресла и подошёл.

— Душа сыта, а желудок — пуст, — пояснил он.

— Не обязательно было это уточнять, — усмехнулся Цзян Шулюй.

— Ты завтра пойдёшь со мной в компанию? — спросил Тан Юэ.

— Мне нельзя тебя сопровождать?

— Конечно можно!

Он начал засыпать ингредиенты в кастрюлю, будто варил пельмени. Цзян Шулюй поспешно остановил его палочками, прежде чем тот высыпал целый пакет рисовых лепёшек.

— Не ешь слишком много.

Тан Юэ поднял на него глаза:

— Ты же pomoжеш мне всё доедать?

С тех пор как они снова встретились, прошло совсем немного времени. Но из-за того, что теперь проводили вместе каждую минуту — да ещё и с учётом трёх лет прежнего общения — их отношения уже не походили на типичные романтические связи.

Они чувствовали себя одновременно очень близкими и слегка чужими — в мелочах повседневности всё ещё оставались неизведанные уголки, которые нужно было открывать постепенно.

— Да, помогу, — согласился Цзян Шулюй. — Но целый пакет — это уж точно перебор.

— А говядину можно всю положить?

Цзян Шулюй кивнул.

Тан Юэ по-прежнему обожал готовить горячий горшок. После близости у него всегда просыпалась неутолимая потребность говорить — и он мог болтать без умолку, даже если Цзян Шулюй ничего не спрашивал.

— Мянью тоже очень любит креветочные фрикадельки. Жаль, у меня совсем нет таланта к готовке — до сих пор умею только варить. Поэтому у него такой пресный вкус...

— Но Мянью с самого детства был неприхотливым. Мне очень повезло — он такой послушный, такой хороший...

— У меня даже остались фотографии, как он пил молоко! Такой милый! Ах, где мой телефон?!

Он уже собирался вскочить, но Цзян Шулюй мягко удержал его:

— Не торопись.

— У меня дома на жёстком диске всё сохранено. Я потом принесу тебе.

— Не нужно приносить. Мы пойдём вместе и посмотрим всё вместе.

Тан Юэ кивнул.

— Мянью пил молоко... — начал Цзян Шулюй.

Тан Юэ сразу понял, о чём тот хочет спросить. Его лицо мгновенно покраснело, и он запнулся:

— У меня... э-э... было... но мало... и... вообще...

Цзян Шулюй кашлянул.

— Жаль, что сейчас нет, — вздохнул Тан Юэ. — А то бы...

Цзян Шулюй испугался, что, если они продолжат в том же духе, ужин так и останется недоеденным, и быстро сменил тему:

— Правда, у тебя так много моих постеров?

Тан Юэ, набив рот мясом, на секунду замер.

— Когда ты их достал? Некоторые ведь проходили через Линь-цзе, верно?

— Я сказал, что хочу подарить другу, — пробормотал Тан Юэ, всё ещё жуя.

— Другу?

— Ладно, у меня нет друзей! Очень жалко, да?

Прозрачный бульон был совершенно безвкусным, соус тоже не содержал ни капли остроты. Тан Юэ раздражённо добавил в тарелку много кунжутной пасты и принялся ворчать.

— У меня тоже нет, — сказал Цзян Шулюй.

— Как это нет? А второй и третий братья разве не друзья?

— Ну, да.

— Тогда почему ты...

— Значит, и у тебя есть.

— Я просто прекратил все контакты, когда уезжал. А ты ведь столько лет... Наверняка у тебя...

Цзян Шулюй покачал головой:

— В основном однокурсники или коллеги. А некоторых мне подбирали из дома — так называемые «товарищи по играм». Но настоящими друзьями их назвать трудно.

Он тем временем выловил для Тан Юэ любимое мясо и добавил:

— Для меня сто процентов выбором стал Away.

Никаких корыстных интересов, никаких предварительных проверок со стороны старших. Просто команда — и среди подходящих людей выбираешь тех, кто приглянулся.

— А второго брата тоже ты выбрал?

— На первом этапе — да. Окончательное решение принимал дядя.

— А меня... Раньше ведь тоже отбирали по резюме?

— Сначала отбор делал продюсер проекта, а окончательное решение принимали я и дядя.

Он сделал паузу:

— Я уже встречался с ними двумя до этого. А вот с тобой впервые увиделся в больнице... Думал, ты не выживешь.

— Ты тогда уже здесь был?

Тан Юэ кивнул:

— Сам не знаю, почему так получилось. Даже делал генетический анализ — оказалось, у меня есть родство с Цзэн И.

— У тебя там, на твоей планете, остались родные?

Тан Юэ покачал головой:

— Говорили, есть дядя, который торгует специями где-то далеко. Но мама сказала, что они почти не общаются. У него, кажется, с головой не всё в порядке.

Цзян Шулюй вспомнил, как Яо Лисинь тоже жаловался, что младший брат «с головой не дружит», и невольно улыбнулся.

Тан Юэ тут же уловил это:

— Ты чего смеёшься?

— Ни о чём.

Тан Юэ прижал свои палочки к его:

— Точно смеёшься надо мной!

— Просто ты мне кажешься милым.

Тан Юэ прищурился. Его глаза были прекрасны в любом состоянии — достойны тысячи и десяти тысяч поцелуев.

— Мне с каждым разом нравишься всё больше, — искренне признался он.

Тан Юэ весь расплылся от удовольствия:

— Я тоже тебя люблю.

— А твои родители? — осторожно спросил Цзян Шулюй.

— Они очень меня любят. И друг друга тоже.

Он вспомнил медные цветы в книжном шкафу Цзян Шулюя и почувствовал необычную мягкость в груди. Машинально тыкал палочками в рисовые лепёшки в своей тарелке и спросил:

— А когда ты научился делать эти медные цветы?

Он не припоминал, чтобы специально упоминал об этом.

— Каждый раз, когда мне снишься, я делаю один букет, — ответил Цзян Шулюй.

Материал был дешёвый, и его ассистент даже удивился, когда услышал просьбу купить медную фольгу. Ведь если нужны цветы — можно просто заказать свежие.

Даже если наследнику вдруг захочется заняться икебаной, зачем использовать именно медные

листы? Разве искусственные цветы сравнятся с живыми?

— Значит, ты мне снился много-много раз, — тихо сказал Тан Юэ.

— Но ничто не сравнится с радостью, когда я узнал, что ты жив, — ответил Цзян Шулюй.

— Прости меня... Я просто...

Цзян Шулюй покачал головой.

Теперь человек рядом. Ночной горячий горшок пузырится на плите, над ним поднимается пар, над столом горит тёплый свет, а по телевизору всё ещё идёт космический фильм.

На шее «инопланетянина» — следы от поцелуев Цзян Шулюя.

Тот торопливо вылавливает говяжий рубец и ворчит, что переварил.

И этого достаточно.

— А завтра в каком качестве пойдёшь со мной в компанию? — спросил Цзян Шулюй.

— А?! — удивился Тан Юэ. — Разве ты не всё ещё акционер «Чэнкун»?

— Формально — от имени семьи Цзян. Но это уже расторгнуто.

Тан Юэ не придавал этому значения. Он, казалось, был абсолютно уверен в своём музыкальном будущем:

— Я буду тебя содержать.

— Пойдёшь со мной как мой парень.

— Опекун? — усмехнулся Цзян Шулюй.

— Какой ещё опекун! Мне уже давно двадцать!

— Но ведь я действительно был твоим опекуном. Это не клевета.

Тан Юэ фыркнул:

— Похоже, ты не хочешь быть моим парнем.

— Конечно, хочу. Просто... не слишком ли мы быстро всё решили?

— Я не скажу.

У него иногда проявлялась строптивость. Сейчас он без церемоний выхватил из тарелки Цзян Шулюя рыбный шарик:

— Чего мне ещё не хватает...

Может, стоит как-нибудь сходить и купить кольцо? — подумал он.

В этот момент Цзян Шулюй неожиданно встал.

— Ты что, рассердился? — испугался Тан Юэ.

— Нет. У меня есть для тебя кое-что.

Он вышел в кабинет и вернулся с чем-то, спрятанным в ладони.

В воздухе витал аромат еды и тёплый пар от горшка.

Раньше, если бы Тан Юэ в такое время поднялся перекусить — его бы немедленно отчитали. А уж тем более после душа есть что-то сильно пахнущее!

Строгий командир теперь стал его возлюбленным. В этой тихой квартире, где никого больше не было, он положил перед Тан Юэ красную бархатную коробочку.

Рыбный шарик выпал из палочек Тан Юэ.

— Ты что творишь! — воскликнул он.

— Что именно? — спросил Цзян Шулюй.

— Я же в пижаме!

— Я тоже в пижаме.

— Я ем горячий горшок!

— И я с тобой ем.

— Я же не хотел плакать...

— Это всего лишь кольцо. Не то, о чём ты подумал.

Он открыл коробку. Кольцо было простым, с элементами в виде звёзд, но совершенно не вычурным.

— Это подарок, который я хотел вручить тебе на двадцатилетие.

Он смотрел на сидящего напротив молодого человека и понимал, почему фанаты считают, что время для Тан Юэ остановилось: его лицо действительно будто сохранилось в ледяной капсуле.

Но возраст Тан Мян — неопровержимое доказательство того, что Тан Юэ изменился.

Фанаты говорят: «Мы видели, как ты рос». Но разве Цзян Шулюй не видел этого сам?

У него не было младшего брата. Возможно, должен был быть старший сводный брат.

Но тот умер в младенчестве, и Цзян Шулюй его никогда не видел.

Он не думал о том, кем бы стал, если бы Цзян Шу остался жив.

Среди его знакомых много было моложе его по возрасту, но большинство из них носили на себе отпечаток воспитания в богатой семье — изысканного, но холодного.

Даже самые обычные внешне люди невольно излучали ту же надменность, что и вся семья Цзян: она проникала в кости, становилась частью характера и образования.

Тан Юэ был совсем другим.

Он — чистый, но не безупречный. Сначала Цзян Шулюй думал, что его наивность — следствие травмы после аварии, и потому заботился о нём больше других.

Но чем чаще он смотрел на него, тем больше его сердце склонялось в его сторону. К счастью, остальные двое тоже не возражали — наоборот, присоединялись к заботе о Тан Юэ.

Тан Юэ подарил Цзян Шулюю то, чего тот никогда не знал: чувство свободы и расслабленности.

Поэтому Цзян Шулюй хотел, чтобы этот юноша всегда сиял — стоял в центре сцены под аплодисменты тысяч, получая всё, что заслужил.

— Но ты исчез, — тихо сказал он.

Он достал кольцо, взял руку Тан Юэ и медленно надел его на палец.

Потом слегка сжал его безымянный палец:

— Здесь... на твой двадцать шестой день рождения я хочу...

— Не говори, — перебил Тан Юэ.

Он глубоко вдохнул:

— Дай хоть нормально поесть.

Цзян Шулюй кивнул:

— Ешь.

— Почему бы сразу не надеть на безымянный? — проворчал Тан Юэ. — Вы, земляне, такие сложные.

— Потому что инопланетян не так-то просто поймать в кольцо, — улыбнулся Цзян Шулюй.

— Кто сказал? Я и так всегда рядом с тобой.

На секунду задумавшись, он вдруг строго добавил:

— И в следующий раз без презерватива!

— Хочешь узнать, что я приготовил тебе на двадцать первый день рождения? — спросил Цзян Шулюй.

— Ты сам здесь, передо мной. Какой ещё подарок мне нужен?

Он посмотрел на кольцо и вдруг почувствовал себя крайне бесполезным инопланетянином.

Не может сорвать звезду, не может достать луну — может только выловить все креветочные фрикадельки и положить их в тарелку Цзян Шулюю:

— Ты теперь всегда должен хорошо питаться. И курить тайком — нельзя.

На следующий день Тан Юэ чуть не опоздал.

Забираясь в машину, он взглянул на сообщение от Лю Сичао и спросил Цзян Шулюя:

— Почему ты не разбудил меня раньше?

— Ты почти не спал. Пусть поспишь подольше.

После полуночного ужина Тан Юэ не мог уснуть — нахлынуло вдохновение. Он занял кабинет Цзян Шулюя и начал писать.

Сам не заметил, как его отнесли в постель. Проснулся — и чуть не пропустил назначенное время.

— Второй брат уже на месте.

Подумав о Лю Сичао, он вдруг заинтересовался:

— А когда он женится на господине Цзян?

— Хочешь пойти на свадьбу?

Тан Юэ кивнул:

— Третий брат говорит, что я бессердечен — даже на его свадьбу не пришёл.

— Пусть устроит вторую.

Тан Юэ с изумлением уставился на Цзян Шулюя.

Было почти одиннадцать, а водитель спокойно смотрел на дорогу, будто только что не произнёс нечто шокирующее.

— В законе ведь не сказано, что жениться можно только один раз. И во второй раз нельзя жениться на том же человеке, верно?

Он помолчал:

— Свадьба Яо Лисиня прошла скромно. Тогда его жена потеряла ребёнка.

Сегодня предстояло подписание контракта. Одежду для Тан Юэ специально прислали — ту, что подобрал Цзян Шулюй.

Она отличалась от той, в которой Тан Юэ приезжал в дом Цзян, и больше напоминала образ времён его участия в бойз-бэнде.

Одежда была выбрана женой Яо Лисиня — госпожой Ся.

— Я ничего об этом не знал... Какой же я невнимательный ко второму брату, — вздохнул Тан Юэ.

— Многие не знали, — сказал Цзян Шулюй.

По дороге он рассказал Тан Юэ немного о Яо Лисине — о его безответной любви, о том, как тот чуть не пошёл «в услужение» ради чувств.

Тан Юэ то восклицал «вау!», то вздыхал, то говорил «как здорово!» — его эмоции переливались одна за другой, и Цзян Шулюю очень хотелось смеяться.

— Значит, поэтому у второго брата нет детей?

— Ты ведь и сам понимаешь, что он не такой беззаботный, как кажется?

— Он очень любил госпожу Ся. Я как-то спрашивал его об этом, но тогда он сказал, что она для него просто старшая сестра.

Теперь Тан Юэ наконец осознал: у всех в группе были свои сложности с чувствами.

Лю Сичао и Цзян Хэ долго играли в кошки-мышки, он сам тайно влюбился в Цзян Шулюя, а Яо Лисинь считал, что его любовь так и останется неразделённой.

А теперь всё устроилось.

— Он получил то, о чём просил судьбу, — сказал Цзян Шулюй.

— А госпожа Ся... Она любила его, когда они поженились?

Когда-то Яо Лисинь объявил о помолвке быстрее всех. Сразу после исчезновения Тан Юэ он срочно сообщил о своей свадьбе — но не пригласил ни одного журналиста.

В начале съёмок реалити-шоу Яо Лисинь в шутку сказал в самолёте, что Тан Юэ не стал его шафером. На самом деле свадьба была совсем скромной — просто семейный ужин, без того праздника, который представлял себе Тан Юэ.

— Этого я не знаю, — ответил Цзян Шулюй.

Он сам был ошеломлён новостью, но позже узнал: госпожа Ся была брошена бывшим партнёром.

Тот тоже был из индустрии, только работал за кулисами.

Яо Лисинь чуть не устроил драку из-за неё.

Тан Юэ задумчиво кивал:

— Значит, сначала брак, потом любовь. Это тоже неплохо.

Цзян Шулюй не ожидал такого вывода и спросил:

— А какую свадьбу хочешь ты?

— Я? — Тан Юэ задумался. — Чтобы все были рядом.

Раньше он никогда об этом не думал. Теперь, услышав вопрос, в голове была пустота.

Через некоторое время добавил:

— Хочу поцеловаться с тобой.

<http://bllate.org/book/16057/1605977>